

А. М. ПАНЧЕНКО

Чешские переводы «Слова о полку Игореве» XIX в.

Первые переводы «Слова о полку Игореве» на чешский язык были выполнены в начале XIX в.: в 1810 г. И. Юнгманном и в 1821 г. — В. Ганкой; оба перевода имеют на себе ясный след влияния Йозефа Добровского. Более того, перевод Юнгманна был сделан под его непосредственным руководством.

Существует мнение, что Добровский, возможно, слышал о «Слове» уже во время своего пребывания в России в 90-х годах XVIII в.¹ (если считать, что рукопись «Слова о полку Игореве» была найдена не в 1795, а в 1791 г.). Во всяком случае именно в это время он завязал связи с русскими учеными — собирателями и исследователями древней русской литературы. Известно, что Добровский примыкал к кружку графа Н. П. Румянцева (еще в начале 1791 г. Н. П. Румянцев обратился к Добровскому через посредство австрийского посланника во Франкфурте-на-Майне Филиппа Стадиона² по вопросу о русско-чешских связях). В числе членов кружка Румянцева были Н. Н. Бантыш-Каменский и А. Ф. Малиновский, издававшие «Слово» в 1800 г.³

Добровский поддерживал также переписку с А. С. Шишковым, в которой значительное место уделялось «Слову».

Первое упоминание о «Слове» сделано Добровским в «Slavin» и относится, возможно, к 1805 г., так как «Slavin» был в основном составлен в этом году. Здесь Добровский обращает внимание на имя Стрибог, встречающееся в «Слове»,⁴ и жалеет, что не знает текста памятника.⁵

Сведения об имени Стрибог Добровский мог почерпнуть из немецкого перевода, напечатанного в «Russischen Miscellen» в 1803 г. Лишь в 1809 г. он получил «Слово о полку Игореве», напечатанное с замечаниями и предложением Шишкова в т. I «Сочинений и переводов» Российской академии за 1805 г. 1 января 1810 г. Добровский пишет Копитару: «Игорева песнь, которую я получил из России, восхитила бы вас. Русские некоторые места

¹ Slavomír Wollman. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově. Slavia, 1955. (R. XXIV), seš. 2—3, стр. 269.

² Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. I. Берлин, 1870, стр. 221.

³ И. И. Срезневский пишет в предисловии к «Переписке Востокова»: «Основными, старшими членами этого кружка были, кроме графа Румянцева, Бантыш-Каменский, Малиновский, Евгений, отчасти и Оленин. К ним присоединились Калайдович, Востоков, Ермолаев, Кеппен, Иоани Григорович. Не в нем, но и не вне его были некоторые из профессоров, как Тимковский, Каченовский, Данилович, Лобойко, и академик, как Аделунг, Круг, Френ. К нему примыкали и некоторые из иноземных ученых, близких к нему по занятиям, как Добровский, Линде и пр.» (Переписка А. Х. Востокова... с объяснительными примечаниями И. И. Срезневского. СПб., 1873, стр. 1—2).

⁴ Slavin, Prag, 1808, стр. 414.

⁵ Slavin, Prag, 1808, стр. 369.

не поняли совсем, и немецкий перевод в „Russischen Miszellen“ не точен». ⁶ Следовательно, Добровскому был известен перевод, напечатанный в 1803 г. в «Russischen Miszellen», и высказанное выше предположение приобретает верность.

«Слово» интересовало Добровского не только с точки зрения лингвистической, хотя он главным образом изучал отдельные выражения, слова и грамматические формы текста. ⁷ Сл. Вольман в своей работе приводит факты, свидетельствующие о внимании Добровского к «Слову о полку Игореве» с точки зрения литературно-эстетической. ⁸ В частности, его занимала проблема жанра памятника, вопросы о ритмике «Слова», о его авторе.

Сравнение переводов И. Юнгманна (чешского) и И. Мюллера (немецкого) ⁹ — оба они были выполнены одновременно под руководством Добровского — позволяет с большой достоверностью подтвердить положения чешского исследователя.

Перевод Юнгманна, сделанный в 1810 г., остался в рукописи и только в 1932 г. был издан В. А. Францевым. В предисловии переводчик пишет о непосредственном руководстве Добровского: «Наш великий Чех, его высокопреподобие П. Иоз. Добровский, не только предоставлением выправленной книги, но и своими глубокими советами нас привел к тому, чтобы мы этот драгоценный памятник древности, в высшей степени важный не для одних только русских, но и всех вообще славян, да и всех исследователей языка и любителей поэзии, также нашим дорогим чехам могли открыть». ¹⁰

У Юнгманна, следовательно, была книга Шишкова с замечаниями Добровского. В письме к Ант. Мареку от 9 февраля 1810 г. Юнгманн пишет, что получил «Слово» от Добровского лишь на 14 дней, так что едва успел списать текст латинским шрифтом. ¹¹ Уже 19 апреля он послал Мареку свой перевод. Сл. Вольман предполагает по этому поводу и, как кажется, справедливо — что Добровский привлек к работе над переводами «Слова» сразу нескольких своих учеников: Юнгманна, Мюллера и, возможно, Рожня (его стихотворный перевод не сохранился).

Это предположение может объяснить также, каким образом Юнгманн за такой короткий срок сумел сделать перевод, если учесть, что он был плохо знаком с русским языком и даже с русской азбукой, в чем он признавался в письмах к тому же Ант. Мареку.

Добровский неоднократно писал о том, что он руководил работой И. Мюллера; например, в письме Копитару от 13 октября 1811 г.: «Под моим руководством был сделан перевод». ¹² Когда Я. Пожарский в 1819 г. презрительно отозвался о переводе И. Мюллера, Добровский, защищая

⁶ И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара. СОРЯС, т. XXXIX. СПб., 1885, стр. 74: «Jgors Gesang, den ich aus Rußland erhielt, würde Sie entzücken. Die Russen haben einige Stellen gar nicht verstanden, und die deutsche Übersetzung in den „Russ[ischen] Miszellen“ ist nicht genau».

⁷ См.: Slovo o pluku Igorově. Ruský text v transkripci, český překlad a výklady Jozefa Jungmanna z r. 1810. Vydal a úvodem opatřil V. A. Francev, v Praze, 1932, стр. 7. (В дальнейшем: Francev).

⁸ См.: Slavomír Wollman. Dobrovský a Slovo o pluku Igorově, стр. 272.

⁹ I. Müller. Heldengesang vom Zuge gegen die Polowzer... Prag, 1811.

¹⁰ Francev, стр. 19: „Náš veliký Cech, Vys důstojný P. Joz. Dobrovský, nejenom podáním pravené knihy, ale i svou hlubokozornou radou nám k tomu laskava propůjčil, abychom ten drahý poklad starožitnosti, ne jedněm Rusům, ale všem vůbec Slovanům, ano všechněm jazyka skonmatelům, a básnířství milovníkům předěžitý, také našim milým Čechům odkryti mohli“.

¹¹ Francev, стр. 12.

¹² И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара, стр. 218.

своего ученика, в письме к А. С. Шишкову замечал: «Я хочу показать ему (Я. Пожарскому, — А. П.) места, которые Мюллер, еще прежде его трудившийся над переводом помянутого „Слова“ под моим влиянием, также перевел и понял».¹³ Добровский здесь, конечно, защищал свои чтения.

Юнгманн и Мюллер не проявили разногласий по основным вопросам, неизбежно встающим при переводе «Слова о полку Игореве»; это сходство, очевидно, следует объяснить именно влиянием Добровского. Влияние, как мы уже говорили, не ограничивалось областью прочтений, хотя и в этом отношении переводы очень сходны: например, Юнгманн и Мюллер верно перевели слова «до кур» в значении «до пения петухов»; слово «папързи» им тоже объяснил И. Добровский: у Юнгманна — «porruhy», у Мюллера — «eiserne Bänder»; в позднейшем переводе В. Ганки — «porruzki», «eiserne Schuppen-Bänder». В письме Добровского к Шишкову от 11 февраля 1820 г. имеется указание: «...папорзи есть конечно не иное что, как польское porrag, богемское porrieg».¹⁴

Влияние Добровского сказывается в решении вопроса о жанре памятника (у Юнгманна — «Slovo (řeč)», у Мюллера — «Sermon») и о его авторе (Мюллер считает его монахом из Малороссии: «Geistlicher von Kleinrußland», Юнгманн также: автор «Слова», по его мнению, — «малоросс и, может быть, монах»). У Добровского в письме к Копитару, написанном, по датировке Ягича, в феврале—марте 1810 г., как раз в то время, когда Юнгманн работал над переводом, встречаем аналогичное высказывание: «Поэтому москвичи Игореву песнь, автор которой был малоруссом или червоноруссом, не везде поняли».¹⁵

В вопросе о ритмике «Слова о полку Игореве» мнения обоих переводчиков также совпадают с мнением И. Добровского: «Слово», считают они написано ритмической прозой со стихотворными вставками.¹⁶ Юнгманн разделил на стихи зачины Бояна, попытался восстановить ритмическую структуру первой строфы («Не буря соколы занесе»), нарушенную, по его мнению, в процессе переписывания. В переводе он включил в третью строку двусложное слово, выделив его скобками:

Ne bouře sokoly zanaší
Přes pole široká;
(nébrž) kavky stády letí
K Donu velikému.

Также он разделил на стихи характеристику курян, «цитату» из Бояна в конце «Слова» («Тяжко ти головы...») и слова автора, следующие за ней.

Мюллер пошел еще дальше: он выделил в стихи 8 мест из текста.

¹³ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II. Берлин, 1870, стр. 374 (письмо цитируется по переводу, сделанному А. С. Шишковым).

¹⁴ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 375.

¹⁵ И. В. Ягич. Письма Добровского и Копитара, стр. 115: «Daher haben die Moskauer Russen den Gesang auf Igor, dessen Verfasser ein Malorusse oder Roth — russe war, nicht überall verstanden».

¹⁶ В 1827 г. в рецензии на „Историю славянских языков и литератур по всем наречиям“ П. И. Шафарика, Добровский писал: „Zu den schätzbarsten poetischen Denkmäler dieser Zeit, sag Hr. Sch. S. 150, gehört das Heldengedicht Igor (Slovo o polku Jgora, Jgors Zug gegen die Polowzer), ausgezeichnet durch K hnheit, Kraft und Anmut, sowohl der Gedanken als des Ausdrucks. Dieses Slovo (Sermon) enthält aber doch auch gar viele matte, prosaische, gedehnte Stellen, und ist ein sonderbares Gemengsel von Poesie und Prosa“. (Josef Dobrovský. Saffarik Paul Joseph, Geschichte der sl. Sprache und Literatur nach allen Mundarten, Ofen, 1826, 524 s. Jahrbücher der Literatur, 37, 1827, стр. 11).

Юнгманн воспроизводил текст «Слова» в латинской транскрипции: «я» обозначено как «ā»; «н» как «je» и т. д., подобным образом и Добровский транскрибировал русские тексты. У Юнгманна отсутствуют «ъ» и «ь»; это закономерно вызвало большое количество ошибок. Юнгманн то смягчает «е» («utrě», «na robědu»), то не обозначает смягчения («drevo», «nebologom», «zovet»).

Конъектур у Юнгманна немного: «обступиша» вместо «отступиша», «носит вас ум» вместо «носит ваш ум». Вообще Юнгманн очень точно следовал изданию Шишкова; все изменения, внесенные последним в текст по сравнению с изданием 1800 г., Юнгманн принял полностью: «бремены» вместо «времены», «на конину» вместо «на канину» (здесь Юнгманн перевел «на конскую шкуру»). Многие примечания его просто переведены из книги Шишкова.

Сведения по истории Киевской Руси и генеалогии русских князей Юнгманн получил оттуда же; сам текст «Слова» также служил для него источником; так, он буквально понял обращение Святослава к Игорю и Всеволоду, которым начинается «злато слово», и назвал Святослава Киевского дядей Игоря и Всеволода. Вообще историческая сторона «Слова», по-видимому, интересовала Юнгманна меньше всего. Поэтому он даже в исторический обзор включил плач Ярославны, очень эмоционально изобразив ее скорбь. Впрочем, у И. Юнгманна часто можно встретить восторженные восклицания по поводу красот «Слова о полку Игореве».

В примечаниях И. Юнгманна встречаются ошибки: так, слово «кумир» он не понял, посчитав его за второе имя Дажьдбога. Перевод темных мест «Слова» представил для И. Юнгманна большие затруднения: он не дал оригинальных толкований, предпочитая в таких случаях переводить очень осторожно, различными способами указывая на трудность данного выражения. Возьмем, например, перевод до сих пор удовлетворительно не понятого места: «... U Plešeňska na vyhoně byly v háji Kisanově, nesešli (nemám sláti?) k siněmu mori?». Попытка объяснить слово «nesešli» в скобках и два вопросительных знака свидетельствуют о том, что смысл этого места остался для И. Юнгманна непонятным.

И. Юнгманн не ставил перед собой задачи дать новые толкования — он вообще не подходил к «Слову» только как к объекту изучения. Перевод «Слова» был для И. Юнгманна одним из средств для выполнения задачи возрождения чешского языка.

Кроме возможности обогащения чешского языка со стороны стилистической, «Слово» привлекало И. Юнгманна и возможностью лексических заимствований из родственного языка. Это стремление отчетливо проступает в переводе: многие слова И. Юнгманн переносит из оригинала, всегда поясняя их смысл в скобках: braň (voj), siný (modrý), stolec (trůn), kramola (rozbroj), tuk (všeliké dobro) и т. п. Иногда он выражает сожаление по поводу утраты чешским языком некоторых слов (например: «храбрый»: «Жаль, что слово „храбрый“ (польское chrobry) в чешском языке исчезло»).¹⁷

В подтверждение этим предположениям можно привести высказывания И. Юнгманна по этому поводу, сделанные им позднее. Говоря о источниках для развития языка, он пишет: «Другими богатыми источниками, из которых можно черпать, являются наречия инославянские, в большей или меньшей степени родственные чешскому языку... В конце концов и до-

¹⁷ Francev, стр. 32.

словный перевод с чужих языков, если он не против духа чешского языка, может умножить богатство его оборотов».¹⁸

Учитывая отношение И. Юнгманна к переводу как к средству для обогащения языка, можно понять, почему он предпочитал точный перевод вольному. Возможно, что у И. Юнгманна была и другая цель: способствовать выработке общеславянского языка. Именно в это время он горячо ратует за выработку такого языка.¹⁹

Но особенно ясно эта цель видна у автора другого чешского перевода «Слова о полку Игоре»²⁰, вышедшего в 1821 г., — В. Ганки.

В издании В. Ганки (кроме чешского, здесь был помещен и немецкий перевод) текст «Слова» был напечатан «всеславянской» азбукой, составленной самим В. Ганкой. Вопрос об азбуке, наиболее соответствующей звукам славянских языков, интересовал чешских филологов начала XIX в. в связи с планами создания общеславянского литературного языка. Ганка был одним из наиболее ревностных реформаторов азбуки. Попыты его были неудачны — также и этот. Шафарик, например, писал, что никак не мог принудить себя прочесть «Слово» в издании Ганки (письмо Коллару от 20 февраля 1826 г.).²¹

В. Ганка издавал «Слово о полку Игоре» для «славян латинского письма», «заботясь о практической пользе для славянской взаимности». Вот письмо В. Ганки, адресованное Российской Академии наук: «Примите милостиво, славнейшие и препочитаемые члены, в славный знак благодарности моей толкование Слова о Полку Игоре, которого подлинник я представил латинскими буквами только для того, чтоб уроженцы мои и другие латинские славяне [могли] участвовать не только красот древнего сочинения, но боле того — очевидно смотреть эту маленькую разницу наречий между собою».²²

В. Ганка неоднократно писал о своей основной задаче — дать возможность «славянам латинского письма» познакомиться со «Словом». Об этом он говорит и в русском предисловии в переводе, и в письме к Александру I, приложенному к экземпляру его издания, который он преподнес царю.²³ С этой же целью он предпослал своему переводу предисловия на русском, чешском, польском и сербском языках.

Если оставить в стороне вопрос о достоинствах транскрипции Ганки (она действительно очень неудобна), то можно только приветствовать его стремления. В Чехии в начале 20-х годов XIX в. русский язык знали еще немногие (сам В. Ганка владел им далеко не в совершенстве — об этом говорят переводы русских песен, выполненные им, письма его, написанные по-русски, и т. д.). Изучение русского языка заметно прогрессировало лишь со времени войны 1812 г. и за короткое время не могло дать больших

¹⁸ Josefa Jungmanna... Slowesnost... třetí vydání... W Praze, 1846, стр. 23—24: «Jiné bohaté zdroje, z kterých nabíratí lze, jsou nářečí jinoslovanská, hned ta hned ona češtině příbuznější... Naposledy i doslovné prekládání z cizích jazykův, jestliže není na odpor duchu češtiny, může rozmnožiti bohatost jejich obrátův».

¹⁹ Он писал Ант. Мареку 9 февраля 1809 г.: «... nám Slovanům to potěšitelné býti musí, když nářečí všechna slovanská v jeden se spolčí. My od Rusů, Rusové od nás jazyka vydokonalení přijmeme. Co tedy česky píšeme, již pro onu velikou říši slovanskou píšeme» (Literatura česká devatenáctého století. d. I. V Praze, 1911, стр. 679).

²⁰ Igor Swatoslawiç. Hrdinsky zpiew o taženj proti polowcům. Wěrně w půwodnjm gazyku, s připogenjm českého a Německého přeloženj. Od Waclawa Hanky. W Praze, 1821.

²¹ Časopis Českého Musea, 1874, стр. 67.

²² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, изд. В. А. Францев. Варшава, 1905, стр. 1194.

²³ Письма к Вячеславу Ганке... , стр. 1195.

результатов. И с этой точки зрения В. Ганка вынужден был отдать предпочтение «латино-славянской транскрипции».

«Я охотно предложил бы „Игоря“ чехам кирилловскими письменами, но я опасался, что не достигну этим своей цели: в слове важнее всего звук, а я желал иметь более широкую публику, чем несколько читающих по-русски чехов, поляков и хорватов», — писал В. Ганка.²⁴ Интересно, что в 1851 г. В. Ганка собирался издавать «Слово» уже по-русски (в 1836 г. «Слово» было издано в Праге кириллицей вместе с Краледворской рукописью).²⁵

Вторая задача, поставленная В. Ганкой, — показать «маленькую разницу (славянских, — А. П.) наречий между собою» — определила его метод перевода: он старался как можно чаще сохранить русское звучание.

Сравнение переводов И. Юнгманна и В. Ганки вполне подтверждает это. Следует упомянуть, что Ганка, вероятно, пользовался переводом Юнгманна. Эту мысль высказал В. А. Францев на основании того, что исправления и приписки, совпадающие с замечаниями и чтениями Юнгманна, сделаны в «Сочинениях» Шишкова рукой В. Ганки и относятся ко времени, более позднему по сравнению с тем, к которому принадлежит перевод Юнгманна. При всем сходстве этих двух переводов можно заметить, что В. Ганка значительно более связан оригиналом, чем И. Юнгманн.

Стремление сохранить всюду русское звучание привело В. Ганку к анекдотическому случаю: слова «Игорь князь» в предложении «Тогда вступи Игорь князь в злат стремя.» В. Ганка переводит созвучным сочетанием «Jgor kněz». Однако и в современном чешском языке, и во времена В. Ганки слово kněz значило ксендз, священник. Правда, в древнечешском языке оно означало «князь», но постепенно было заменено словом «kuřže», первоначально обозначавшим «сын князя». Чехом первой половины XIX в. оно никак не могло восприниматься в значении «князь». Сам Ганка в других случаях употребляет «kníže»: «Spala knížeti mysl žadost, i žalost jemu znamení zastoupila, zkusiti Donu velikého». Буквальное следование тексту заставило В. Ганку слово «пльк» всюду переводить чешским «pluk», однако «pluk» только «полк», но не «поход» (эта ошибка встречается и у Юнгманна: «... pověsti o pluku»).

В связи с приведенным выше замечанием И. Юнгманна, где он сожалеет об утрате чешским языком слова «chrabý», интересно отметить, что В. Ганка употребляет его в переводе без всякого объяснения. В заметке же по поводу «Слова», напечатанной в журнале «Krok»²⁶ в год выхода в свет перевода, в значении «храбрый» В. Ганка употребляет то же слово, что и Юнгманн: «srdnatý (Vsevolod vupodobňuje svoje srdnaté vítěze)». Вообще лексика этого пересказа «Слова» — он составлен в выражениях, близких к переводу, — вполне чешская.

В. Ганка употребляет иногда грамматические формы, не свойственные чешскому языку: вместо «jsi» — личное местоимение 2 л. ед. ч. — «jesi», вместо «Rusové» (как у Юнгманна) — «Rusici». Число этих примеров можно значительно увеличить.

Чтения В. Ганки почти всюду совпадают с чтениями И. Юнгманна; основные расхождения: у И. Юнгманна — «не лепо ли ны» (как в первом издании), у Ганки — «не лепо ли бы», у Юнгманна — «лучеж вы» («lépe vám»), у Ганки «лучеж ны» («lépeť nám»). Примечательна эта общая

²⁴ В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения. Варшава, 1902, стр. 82.

²⁵ Polyglotta Kralodvorského rukopisu. Vydání Váceslava Hanky. V Praze, 1852.

²⁶ Krok, D. I, č. 1, 1821, стр. 81—85.

ошибка — «лучеж» вместо «луцеж». Это лишнее подтверждение того, что В. Ганка пользовался работой И. Юнгманна. В. Ганка, как и И. Юнгманн, работал под влиянием И. Добровского. Ему В. Ганка посвятил свой труд: «Его высокопреподобно Иозефу Добровскому, члену многих ученых обществ, славянства патриарху».

Письма В. Ганки к А. С. Шишкову говорят о том, что Добровский был посредником между ними. Книги, присылаемые из России, Ганка получал от Добровского, он имел возможность читать даже письма Шишкова и Добровского (см. письмо от 8 (20) мая 1820 г.²⁷).

Одно из примечаний В. Ганки напоминает фразу из письма Добровского к Шишкову от 11 февраля 1820 г.²⁸ у Ганки: «Истягну ум крепостию своею... nep í препоясал, препоясать též í стягнути можно чресла (trísła, bedra) ум toliko стягнути, t. j. sebrati, sammeln, sprappen...».²⁹

В письме И. Добровского: «Истягну ум представляет совершенно другое понятие, нежели препоясал ум; он (Я. Пожарский, — А. П.) худо принял стягну за истягну» (перевод письма Добровского на русский язык сделан самим А. С. Шишковым). Письмо это написано в то время, когда В. Ганка, вероятно, уже занимался подготовкой к изданию: в письме от 8(20) мая он пишет, что издает «Слово о полку Игореве». Вполне возможно, что В. Ганка взял свое примечание прямо из письма И. Добровского.

Исторические примечания у В. Ганки большей частью неопределенны: «Glebů bylo několik, probež se určiti nemůže, který se zde míní... Swatopolků bylo mezi ruskými knížaty pět, o kterém zde řeč jest, těžko určiti»³⁰ (примечания эти — почти дословный перевод примечаний первого издания; по-видимому, они взяты из книги А. С. Шишкова).

В русском предисловии к своей работе В. Ганка пишет: «Кто бы хотел Царедворскую рукопись Старо-Ческу с Игорем сравнивать, за верно бы нашел много сходства, не токмо в словных выражениях, но, более того, в самом духе древности и мышлении, как н[а]п[ри]мер героической песни Олдрих и Болеслав с заключением Игоря совсем сходно».³¹ С помощью Краледворской рукописи В. Ганка комментировал «Слово о полку Игореве» и, наоборот, пояснял Краледворскую рукопись, опираясь на текст «Слова».³²

Уже самое беглое рассмотрение знаменитых «подделок» дает возможность предположить, что «Слово» послужило материалом для них. Вот некоторые примеры. В песне «Jaroslav»: «Váleno deň, váleno deň vterý» (в «Слове»: «Бишася день, бишася другый»). Герои подделок сравниваются с «ярим туrom», как Всеволод в «Слове»: «Tu Vratislav jak tur jarý skočí... Hruďoš zarve jarým turom».

В «Любушном суде» часто встречается „oteň zlat stól“ («stól oteň», «s otnia zlata stola»). Втава говорит, как и Донец в «Слове о полку Игореве», и т. д.³³

Использование В. Ганкой «Слова» в качестве материала для подделок не было случайным, если учесть, что подделки в какой-то степени имели цель указать близость славянских наречий между собою (А. С. Шишков

²⁷ Записки, мнения и переписка адмирала А. С. Шишкова, т. II, стр. 388—389.

²⁸ Записки, мнения и переписка А. С. Шишкова, т. II, стр. 372—376.

²⁹ Igor Swatoslawiç... Od Waclawa Hanky, стр. 50.

³⁰ Igor Swatoslawiç... Od Waclawa Hanky, стр. 44, 48.

³¹ Igor Swatoslawiç... Od Waclawa Hanky, стр. XII.

³² Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель, стр. 1196—1197.

³³ Polyglotta Kralodvorského rukopisu, стр. 23, 29, 115.

считал, что Краледворская рукопись понятнее русскому читателю, чем «Слово о полку Игореве»). Перевод В. Ганки был неодобрительно встречен и в Чехии, и в России. В Чехии один Ант. Марек, не менее горячий сторонник общеславянской азбуки и общеславянского литературного языка, чем сам В. Ганка, сочувственно отозвался о его работе. В России «Вестник Европы» потешался над В. Ганкой, высмеивая его малограмотное русское предисловие: «Имеем долг поблагодарить почтенного г. Ганку за преподанное нам наставление собственным примером, что никогда не должно писать без крайней нужды на таком языке, который хотя мы и разумеем, но которому не учились с малолетства, одним словом, на языке, которого не можем назвать своим природным».³⁴

Признавая все недостатки работы В. Ганки, обусловленные различными причинами, среди которых не последнее место занимают его противоречивые, а частью и реакционные политические взгляды (русофильство, стремление к всеславянской монархии под эгидой России), мы все же не должны оценить эту работу только отрицательно. Перевод И. Юнгманна, вероятно, был довольно хорошо известен в кругах деятелей чешского возрождения; возможно, он читался в кругу людей, составлявших кружок И. Добровского, с ним были знакомы Ант. Марек, И. Мюллер, Я. Неедлы — издатель журнала «Гласатель», в котором И. Юнгманн хотел напечатать свой труд. Работа была уже подготовлена к печати, однако «Гласатель» так и не вышел до 1818 г., и перевод не был опубликован. Только издание В. Ганки познакомило широкого читателя со «Словом о полку Игореве», и в этом, прежде всего, его значение. Перевод В. Ганки по своему уровню значительно ниже, чем перевод его предшественника. Сравнительная оценка этих переводов облегчается тем, что оба переводчика, и Юнгманн, и Ганка, стремились к точному переводу. Цели их совпадали не целиком: если И. Юнгманн в основном считал свой перевод практическим средством для обогащения чешского языка, то В. Ганка прежде всего хотел сделать шаг вперед на пути выработки общеславянского литературного языка; но в обоих случаях были неизбежны заимствования из текста «Слова о полку Игореве». И здесь перевод И. Юнгманна значительно превосходит перевод В. Ганки по своей ценности: осторожные лексические заимствования, сделанные И. Юнгманном, действительно обогатили словарный состав чешского языка (разумеется, опосредствованно, через другие работы И. Юнгманна, так как перевод не был опубликован в свое время). В. Ганка же попытался «приладить» чешский язык к оригиналу, и перевод его вряд ли был понятнее читателю, чем само «Слово о полку Игореве». Однако, повторяем, значение работы В. Ганки именно в том, что это было первое печатное издание «Слова о полку Игореве» в Чехии, которое познакомило чешского читателя с замечательным памятником древней русской литературы.

Было бы неверно оценивать переводы «Слова о полку Игореве», выполненные И. Юнгманном и В. Ганкой, только, и даже главным образом, с точки зрения его изучения. Хотя некоторые соображения относительно памятника, высказанные Юнгманном и Ганкой (особенно первым), и имели определенную ценность в свое время (например, относительно ритмики «Слова о полку Игореве»), но основное не в этом. Прежде всего эти переводы свидетельствуют об интересе к русской культуре, и в частности к литературе, непрерывно возраставшем с усилением национально-освободительной борьбы чешского народа: судьбы чехов неизменно связывались с судьбой славянства, и надежды возлагались прежде всего на русский

³⁴ Вестник Европы, 1822, № 18, стр. 157—159.

народ; переводы из русской литературы служили делу сближения чешского и русского народов.

«Слово о полку Игореве» было одним из первых произведений русской литературы, переведенных на чешский язык. Этот выбор не мог быть случайным. «Слово» говорило о наличии высокой культуры на Руси еще в XII в.; одной же из основных задач чешского возрождения было обоснование права чехов на самостоятельность; идея славянской взаимности была настолько сильна в Чехии, что памятник национальной культуры русского народа мог восприниматься и как свидетельство высокой культуры чехов как части славянства.

И. Юнгманн писал в предисловии к переводу, что «Слово» дорого «не одним русским, но всем вообще славянам». Автора «Слова» он называет славянским певцом. «И у славян были свои предсказатели (věštec)... Один из них... иноземных бардов нисколько не меньше. Хотя угасла память о его имени, он живет и без имени в своем слове, и если зависит что-либо от имени, назовите его Оссианом либо Гомером славянским или Игоревым певцом».³⁵

Призыв к объединению, звучавший в «Слове», мог быть вполне воспринят как призыв к единению славян.

* *
*

Два других перевода «Слова о полку Игореве» на чешский язык относятся ко второй половине XIX в.: перевод М. Гатталы³⁶ вышел в 1858 г., перевод К. Эрбена³⁷ — в 1869 г.

За четыре десятилетия, прошедших со времени выхода в свет перевода В. Ганки, изучение «Слова о полку Игореве» шагнуло далеко вперед. Новые работы чешских исследователей не были уже популяризаторством, — это были опыты научных изданий «Слова о полку Игореве».

Работа Мартина Гатталы, известного словацкого лингвиста, невелика по объему. В предисловии он пишет: «В том, что я не объяснил „Слова“ более распространено, повинны собственно наши литературные обстоятельства, не благоприятствующие подобным замыслам. Мой уважаемый издатель, учитывая это, и на данное издание решился с трудом, хотя я за него не требовал никакой награды».³⁸

«Литературные обстоятельства» — это, вероятно, тяжелые условия, которые были созданы для чешской литературы жестокой габсбургской реакцией, наступившей после революции 1848 г.

В небольшом предисловии Гаттала обнаружил широкое знакомство с литературой о «Слове». Он пишет здесь о трудах Калайдовича, Востокова, об изданиях Шишкова, Пожарского, Сахарова, Максимовича, Дубенского. Гаттала пытается привести доказательства в пользу подлинности «Слова», оперируя при этом собственными именами памятника в сравнении с описанием похода Игоря в Ипатьевской летописи. Для доказательства подлинности «Слова» он приводит еще известную приписку

³⁵ Francev, стр. 19.

³⁶ Slovo o polku Jgorevě. Vydal Martin Hattala, v Praze, 1858.

³⁷ Dvě zpěvy staroruských totiž: O výpravě Jgorově a Zádonština. S kritickými, historickými, a jinými vysvetlujícími poznámkami a doklady vydal Karel Jaromír Erben. V Praze, 1869.

³⁸ Slovo o polku Jgorevě. Vydal Martin Hattalla, стр. VIII: „Že sem Slova rozsáhléj nevyložil, tím jsou vlastně nepřiznivě takým předsevzetím poměry naše literární vinny. Ct. nakladatel můj máje je na zřeteli, i ku přítomnému vydání jen ztěžka se odvážil, ačkoli sem za ně žádné odměny nežádal“.

к «Апостолу» 1305 г., упоминает о «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище». Автора «Слова» Гаттала считает современником Игоря и несомненно светским человеком.

Текст «Слова о полку Игореве» М. Гаттала напечатал по тексту издания Дубенского, не внося каких-либо значительных поправок. Его исправления в основном касаются грамматических форм, причем сам переводчик относительно этих исправлений, стоящих в скобках, замечает, что некоторые формы памятника, отступающие от правил грамматики, характеризуют особенности языка «Слова».

Стремление повсюду правильно определить грамматические формы привело Гаттала к интересной ошибке: выражение «нъ рози нося имъ хоботы пашуть» (вместо «розьно ся имъ хоботы пашуть») Гаттала исправил в «рогы носящим» и перевел: «než tĕm, kteřĩ rohy nosĩ, ohony oajĩ», считая это ироническим замечанием по отношению к «тем князьям, которые только воюют».

Примечания М. Гатталы поясняют лексику и грамматические формы «Слова». Лишь изредка переводчик включает примечания исторического характера. Многие примечания взяты из Дубенского: например, «папорзи» М. Гаттала, как и Дубенский, возводит к слову «папороток» (локтевая кость крыла птицы), «тльковину» (это слово, по его мнению, женского рода) Гаттала считает за стрелу, следуя предположению Дубенского, и т. д. Некоторые места М. Гаттала перевел неправильно: слова «чили въспети было, вещь Бояне, Велесов внуче» в переводе получили противоположный смысл: «Čili si nemĕl zaspĩvatĩ vĕštĩ Bojane, Velesův vnuku», т. е. «или ты не должен был запеть, вещей Боян, внук Велеса?». М. Гаттала не понял того, что следующие фразы являются «зачином» Бояна так же, как и предыдущие, что так хорошо почувствовал И. Юнгманн за полвека до него. Слово «дорогá» в выражении «Кая раны дорога, братие» М. Гаттала прочел как «дорóга» и перевел сочетание «раны дорога» словами «dřáha gap», т. е. «дорога, путь ран». Не избежал он и обычной ошибки чешских переводчиков, переведя слово «пльк» в предложении «О Бояне, соловно старого времени: абы ты сиа плькы ущекотал...», где оно имеет значение «поход», словом «pluk» («kdy bys ty pluky tyto oslavil spĕvem svůt»), означающим только «полк». Правда, в других случаях М. Гаттала переводит «пльк» совершенно правильно.

Особенно следует остановиться на художественной ценности перевода М. Гатталы. В письме от 11 июля 1869 г. к П. П. Дубровскому К. Эрбен назвал переводы В. Ганки и М. Гатталы «неудобоваримыми».³⁹ Соглашаясь с оценкой К. Эрбена по отношению к переводу В. Ганки, мы не можем распространить ее на перевод М. Гатталы. Ему, как нам кажется, удалось создать перевод, в значительной степени передающий экспрессивность «Слова о полку Игореве».

Родственность чешского и русского языков, наличие общих черт в синтаксисе и лексике и помогает переводчику, и затрудняет его работу; поскольку толкает иногда к созданию адекватов по звучанию, ведет к приспособливанию, прилаживанию чешского языка к русскому, как это было у В. Ганки. В переводе «Слова о полку Игореве» возникает дополнительная трудность: переводчик имеет дело здесь с древнерусским памятником, и перед ним встает задача: подыскать и включить в перевод такие средства словесного изображения, которые смогли бы воссоздать все своеобразие памятника, ни в коем случае не «осовременивая» его. М. Гаттала

³⁹ В. А. Францев. Очерки по истории чешского возрождения, стр. LXIII: «...ani Hankův, ani Hattalův překlad není záživný».

пошел по пути возможно более точного — насколько допускает чешский язык — сохранения синтаксического и ритмического рисунка оригинала и даже приблизительного количества слогов. Он осторожно употребляет уже давно устаревшие в чешском языке слова, точно соответствующие древнерусским («*komon*» вместо «*kŭn*», «*sinŭ*» вместо «*modrŭ*»). Этими способами достигается «архаизация» перевода. Думается, что такой путь вполне закономерен.

Однако М. Гаттала в некоторых случаях не сумел уловить различия двух языков; придерживаясь русского звучания, он допускает иногда в переводе грубые ошибки. Так, переводя фразу «крычать телеги полунощы, рци лебеди роспушени», М. Гаттала употребил в переводе словацкий диалектизм «*taliga*» (в чешском это слово отсутствует): «*Křičí taligy o pŭlnoci, jako labuti rozpuštěné*». «Печаль» Гаттала перевел словом «*réše*» — «забота», «попечение»; вероятно, здесь его также ввело в заблуждение звучание слова. Однако эти ошибки не снижают художественных достоинств перевода М. Гатталы. Е. Барсов назвал его «едва ли не одним из лучших славянских переводов».⁴⁰

В отзыве Российской Академии наук перевод Гатталы оценен довольно сдержанно, но также благоприятно: «Гаттала... обладает знанием славянских наречий, знаком близко с успехами филологов, сам принимает в них участие на самом деле. От него можно было ожидать издания „Слова о полку Игореве“, достойного нашего времени. И оно действительно удалось. Оно не велико объемом, не богато объяснительными соображениями; предпринято, очевидно, с целью сделать „Слово“ общедоступным для всех; но и в своем малом объеме заключает в себе почти все, что необходимо на первый раз. Некоторые из его примечаний любопытны у нас и не для учащих».

В 1869 г. «Слово о полку Игореве» издал известный чешский ученый и поэт Карел Яромир Эрбен. Его труд был издан в пражском научном обществе и одновременно в издательстве Э. Грегра.

К. Эрбен был, несомненно, подготовлен к такой работе: в его активе насчитывалось значительное количество изданий памятников древней чешской литературы (сочинения Томаша Штитного, И. Гуса и др.); в 1867 г. он перевел на чешский язык Повесть временных лет; у него, следовательно, был уже и опыт перевода с древнерусского.

Его работа состоит из текста «Слова», перепечатанного с издания И. Сахарова,⁴¹ с переводом (он расположил их рядом, в два столбца). К. Эрбен привел разночтения по писарской копии, сделанной для Екатерины II, следуя примеру Н. С. Тихонравова⁴² (вообще он много позаимствовал из издания Н. С. Тихонравова), составил примечания и алфавитный указатель собственных имен, встречающихся в «Слове». Также он напечатал здесь перевод летописной повести о походе Игоря (по Ипатьевской летописи), текст и перевод «Задонщины» (текст воспроизведен по изданию И. И. Срезневского 1858 г. с вариантами по рукописи Ундольского) с примечаниями и, наконец, перевод «Повести о Мамаевом побоище».

В предисловии К. Эрбен останавливается на истории изучения «Слова», приводит подробное сопоставление издания 1800 г. и писарской копии, повторяя в основном положения Н. С. Тихонравова. Считая, что в скорописи XVI в. «ъ», «ь», «ы» и «ѣ» писались сходно, Эрбен очень свободно

⁴⁰ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 204.

⁴¹ И. Сахаров. Песни русского народа. СПб., 1839, стр. 277—304.

⁴² Н. С. Тихонравов. «Слово о полку Игореве», 1866.

обращается с орфографией первого издания. Сначала он даже «замышлял в этом издании выправить первоначальный текст... вообще по правилам старославянской грамматики», но благоразумно отказался от своего намерения, решив, что это — памятник русский и тогда «пришлось бы сделать важные изменения в других вещах, помимо правописания, и стереть многие языковые особенности (!)». ⁴³

К. Эрбен поставил перед собой задачу — сделать перевод не только точным, ясным и понятным, но и «по духу своему приближающимся, насколько возможно», к оригиналу. А поскольку автор «Слова», по мнению К. Эрбена, пропускает некоторые вещи, известные или понятные его современникам, в переводе в скобках приводилось то, что могло послужить пониманию смысла. Если бы К. Эрбен задумал сделать что-то вроде «объяснительного» перевода, то это его намерение было бы совершенно понятным. Но, кажется, ничем нельзя менее приблизиться по духу к оригиналу, чем включением объяснений в скобках. Эрбену, несомненно, не удался перевод; эмоциональное воздействие оригинала часто утрачивается. К. Эрбен допускает частые нарушения синтаксиса, ритмики, загружает перевод служебными словами.

Сравним начала переводов К. Эрбена и М. Гатталы.

У Гатталы: „Neslušelo-li by nám, bratří, počítí starodávnyím způsobem vážné pověsti o výpravě Jgora, syna Svatoslavova. Počítí se je však té písní dle události tohoto času, a ne dle zamyšlení Bojanova“.

У Эрбена: „Nebylo-li by nám, bratří, slušné, abychom způsobem písní starobýlých počáli vypravovati truchlivé pověsti o výpravě Jgorově, Jgora syna Švatoslavova? Ale třeba jest tu píseň podle toho, co se času tohoto skutečně přihodilo, a nikoli podle zamyšlení Bojanova“.

У К. Эрбена интонация совершенно не та, что в «Слове», — вялое, многословное повествование.

Благодаря обширным примечаниям, алфавитному указателю имен и географических названий труд К. Эрбена очень выигрывает. Обычно К. Эрбен дает верные сведения, однако одна грубейшая ошибка очень снижает ценность всей этой части работы: К. Эрбен спутал Новгород-Великий и Новгород-Северский, перевел «Северский» как «Северный» и поместил стольный город удельного княжества Игоря на озере Ильмень (кстати, и название озера он искажил — «Ильмер» вместо «Ильмень»): „Novohrad, Новгород s přijmím Veliký, také Severní, město na jezefe lmeře, nejstarší v říši Ruské, udělné město Jgorovo“.⁴⁴

Основной интерес в работе К. Эрбена представляют конъектуры и объяснения темных мест «Слова о полку Игореве».

Е. В. Барсов подверг К. Эрбена жесткой критике за то, что переводчик «отнесся к тексту без... почтенной осторожности... и испестрил его множеством своих и чужих неудачных поправок».⁴⁵

Некоторые из этого «множества поправок» следует рассмотреть отдельно.

1. Эрбен заменил «раны» на «рать», читая вместо «Кая раны дорога, братие» «Кая рать дорога»; он не привел никаких палеографических обоснований этой замены. Это место у Эрбена переведено так: «Jaký to, bratří drahý boj...».

⁴³ К. J. Erben. Dvě zpěvy staroruských totiž: o výpravě Jgorově a Zádónština, стр. VI.

⁴⁴ К. J. Erben. Dvě zpěvy staroruských... стр. 27.

⁴⁵ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 205—206.

2. Место «за ним кликну Карна и Жля, поскочи по Руской земли» Эрбен считает испорченным, предлагая читать «Кара» вместо «Карна». «Кара», по мнению Эрбена, значит «буря» («bouře», «svaг»); он соотносит это слово с русским «караул». Эрбен не считал эти слова именами половцев ханов, полагая, что в противном случае здесь стояло бы: «кликну Карна с Жлю» или «кликнуста Карна с Жля». «Жлю», «Желю» Эрбен возводит к «злу». По его мнению, слово «Жля» в «Слове» имеет значение «печаль». Эрбен соединяет глагол «кликну» с существительным «Кара», а существительное «Жля» относит к глаголу «поскочи», принимая, таким образом, все предложение за сложно-сочиненное.

3. Эрбен принял поправку «Троян» на «Боян», предложенную Тихомировым. Слово «век» в соединении с именем Бояна Эрбен считает за обозначение периода человеческой жизни в 7 лет, определяя, таким образом, год рождения Бояна около 1020 г.

4. Слово «кисань» Эрбен переводит как «змея», «дракон» (saň, drak); это, по его мнению, олицетворение половцев, которые «тоже приходили от моря».

5. Совершенно ясное место «ту кровавого вина не доста» Эрбен также считает испорченным и предлагает читать вместо «не доста» — «не не доста».

6. Вместо «время Бусово» Эрбен предлагает «время Бесово», основываясь на том, что выше половцы названы «детьми бесовыми».

7. «Клюками» он переводит «zahnutýma pohama» — «как делают наездники при быстрой езде, если хотят прочно сидеть на коне»; этот перевод никак не объяснен.

8. Место «в друже теле» Эрбен читает «в дружѣ (или дружье) теле». Все выражение «аще и вещь душа в дружѣ («дружѣ» — по Эрбену) теле» он относит к Бояну, бывшему, будто бы другом Всеслава Полоцкого. Перевод этого места выглядит следующим образом: «Ač měl i včstího ducha v těle přitele svého...».

9. Выражение «рози нося им» Эрбен прочел «розньо ся им». Последняя конъектура совершенно правильна; она была принята впоследствии. Другие же догадки Эрбена не представляют особой ценности. Недостатки работы К. Эрбена были подробно разобраны Н. Лавровским⁴⁶ еще в 1870 г. Е. В. Барсов заметил впоследствии, что «перевод Эрбена ни в каких отношениях — ни по исправлению текста, ни по уразумению его смысла, ни по примечаниям — не может занять почетного места среди многочисленных переводов знаменитой и единственной в своем роде древнерусской песни».⁴⁷

Чешские ученые приписывают иногда переводу К. Эрбена большие достоинства, но, кажется, Е. Барсов и Н. Лавровский справедливо критиковали эту работу.

В Чехии, конечно, широко комментированная, обширная работа К. Эрбена имела большое значение: это было первое научное издание «Слова».

* *

*

Рассматривая чешские переводы «Слова о полку Игоре» XIX в., мы объединили их в две группы. Это сделано не только в силу чисто внешних

⁴⁶ Н. Лавровский. О новом чешском переводе «Слова о полку Игоре». ЖМНП, 1870, № 10.

⁴⁷ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игоре» как художественный памятник Киевской дружинной Руси, т. I, стр. 205.

обстоятельств, например, близости по времени переводов И. Юнгманна и В. Ганки, с одной стороны, и переводов М. Гатталы и К. Эрбена с другой.

Для Юнгманна и В. Ганки перевод «Слова» был прежде всего средством для выполнения языковых задач, поставленных чешским возрождением, хотя цели И. Юнгманна и В. Ганки были различными. Кроме того, И. Юнгманн и В. Ганка ставили перед собой задачу ознакомить читателей (В. Ганка имел в виду не только чехов) со «Словом о полку Игореве». Мы объединяем их работы и по восприятию «Слова» как памятника «оссианического» типа — свидетельства общеевропейского распространения «Оссианизма» и, во-вторых, как доказательства культурного значения «Слова».⁴⁸

Переводы второй группы (М. Гатталы и К. Эрбена) — переводы филологические. Если переводы первой группы рассматривались нами главным образом как факт литературы чешского возрождения, то переводы второй группы — как изучение «Слова о полку Игореве»; поэтому они оценивались с двух сторон: с точки зрения достоинств исследования и художественной ценности перевода.

⁴⁸ П. Н. Берков. Переводы «Слова о полку Игореве» на западноевропейские языки. Ученые записки ЛГУ, № 76, серия филологических наук, вып. 11, 1941, стр. 334.